

ЮРИЙ КРИЖАНИЧ О СИБИРИ

Более 100 лет имя Юрия Крижанича привлекает внимание русских ученых и публицистов.

При всей превратности своей жизни в России он был хорошо известен в московских дворцовых кругах во второй половине XVII в и имеются данные о том, что его произведения предполагали напечатать.¹ Затем этот интерес угас, и в 1772 г. Н. Новиков в "Опыте исторического словаря о российских писателях" смог сообщить о Ю. Крижаниче только краткое известие.² Обстоятельства его жизни и авторство многих сочинений оставались в неизвестности до середины XIX в. Только трудами М. О. Бодянского и особенно П. А. Бессонова была начата в России серьезная работа по исследованию творческого пути Ю. Крижанича, которая уже не прерывалась до настоящего времени. Многочисленные исследования, посвященные самому Юрию Крижаничу и анализу его произведений, опубликованные с тех пор, воссоздают облик этого замечательного человека и страницы его жизни. Противоречивость и утопичность некоторых его взглядов ни в какой степени не могут отразиться на его характеристике глубокого ученого и страстного поборника независимого существования славянства, его государственности, культуры и истории.

Литературная деятельность Ю. Крижанича отражала интерес европейского общества в XVII в. к Российскому государству и его роли в мировой политике того времени. От множества сочинений и мемуаров, изданных тогда в Западной Европе и посвященных различным сторонам жизни России и русской истории, произведения Ю. Крижанича принципиально отличались своей внутренней целенаправленностью, которая обуславливалась общественно-политическим мировоззрением автора. Занятый одной, общей идеей — объединения славянства, центром которого должно было, по его мысли, стать Российское государство, Ю. Крижанич не был посторонним наблюдателем в России. Его критика русских порядков и мысли о "устроении" государства отвечала стремлениям упречивавшегося в России абсолютизма и некоторым уже проводившимся мероприятиям правительства. Эта направленность мыслей Ю. Крижанича заинтересовала некоторых государственных деятелей России второй поло-

¹ Бахрушин С. Юрий Крижанич, Исторический журнал, 1942, № 1, 2, с. 151.

² Белокуров С. А. Юрий Крижанич в России. М., 1902, с. 92.

вины XVII в., а его личная воодушевленность привлекала к нему высокопоставленных собеседников, внимания которых он умел добиваться.

Ю. Крижанич был сторонником сильного, абсолютистского правления, которое было бы в состоянии осуществить реформы внутри страны и обеспечить ее экономическое процветание. Ю. Крижанич, обосновывая свою широкую экономическую программу, считал необходимым всемерно развивать сельское хозяйство, городские ремесла и государственную внешнюю торговлю, не зависимую от иноземного купечества, при повышении общего культурного и производственного уровня всего населения.³

Большую роль в этой программе Ю. Крижанич отводил Сибири. Пребывание в Тобольске, где он создал большую часть своих произведений, способствовало расширению его знаний и кругозора, а это в свою очередь привело к тому, что он рассматривал Сибирь, как органическую часть Российского государства.

Свидетельства Ю. Крижанича о Сибири представляют ценность не только в общей связи с разбираемым им состоянием Российского государства, но и имеют историкоэтнографическое значение. Они позволяют судить о все еще не вполне ясных источниках, на которые опирался автор, рассказывая о присоединении и хозяйственном освоении сибирских земель и устанавливавшихся связях с восточными государствами.

Известно, что Ю. Крижанич приезжал в Россию дважды — впервые кратковременно в 1647 г. и вторично — в сентябре 1659 г. Именно второй приезд в Москву определил его жизненный путь почти на 20 лет.

В силу утопичности своей идеи объединения славянства Ю. Крижанич добиться не мог, но оставил ярчайший след в истории идейной связи славянства. Сразу же после приезда в Москву он сумел свести знакомство с двумя очень близкими к царю Алексею Михайловичу людьми — боярином Борисом Ивановичем Морозовым и Федором Михайловичем Ртищевым, надеясь, по-видимому, при их содействии получить официальное звание царского историографа. Встречался он также с влиятельным дьяком Алмазом Ивановым, видными деятелями культуры Симеоном Полоцким и Епифанием Славинецким и другими лицами.

В январе 1661 г. последовал царский указ о ссылке Ю. Крижанича в Сибирь. Ю. Крижанич объяснял ссылку своим "глупословием", но еще в литературе второй половины XIX в. высказывалось не лишнее правдоподобное мнение о том, что причиной ссылки была не какая-либо вина, а обстоятельства, при которых его пребывание в Москве было не желательным. К этим обстоятельствам можно отнести влияние в Москве греческих представителей церковных кругов, в которых Ю. Крижанич относился отрицательно, а также его положительное отношение к исправлению церковных книг, предпринятое патриархом Никоном. К тому же Ю. Крижанич, по-види-

³ Бахрушин С., указ. соч., с. 147—150; Пичета В. И. Юрий Крижанич и его отношение к Русскому государству (1618—1683), Славянский сборник, ОГИЗ, 1947, с. 215—232.

тому, не мог уже опираться на пожилого боярина Б. И. Морозова, который вскоре после его ссылки умер.⁴ Косвенным свидетельством отсутствия конкретной вины может служить содержание указа, по которому Ю. Крижанич ссылался в Тобольск; велено было быть ему там "у государевых дел" "у каких будет пристойно" с очень высоким для того времени содержанием — 7 рублей с полтиной "кормовых" денег с месяц, т. е. 90 рублей в год, тогда как оклад тобольских детей боярских, составлявших в Сибири высший разряд служилых людей, достигал в год всего лишь 18 рублей. Только после общего сокращения тобольским воеводой П. И. Годуновым окладов сибирских служилых людей с 1670 г. Ю. Крижанич стал получать меньше почти в четыре раза. Сам Ю. Крижанич уже в Москве в 1676 г., писал, что это сокращение было произведено без "государские вести" по инициативе воеводы.⁵

В ссылке Ю. Крижанич пробыл 15 лет; большую часть этого времени он не терпел нужды, сохранял связи с своими московскими знакомыми, безусловно имел возможность быть в курсе текущих событий Тобольска и общаться с множеством интересных для него людей.

В середине XVII в. город Тобольск был не только "стольным" городом Сибири, центром ее административного и церковного управления, но и самым крупным сибирским торгово-экономическим центром, городом, даже по взъскательным меркам любого западно-европейца. В 1655 г. в Тобольске было более тысячи дворов.⁶

Основанный на высоком берегу Иртыша около впадения в него Тобола, город делился на две части — нагорную и нижнюю, подгорную. На нагорной части, резко выделяясь над окружающей местностью, стояла крепость. Внутри ее находились различные служебные здания (приказная палата, пороховые погреба и др.), а между ее стенами и валом с угловыми башнями располагались воеводский и гостиный дворы, таможня, Софийский двор — резиденция митрополита. Сооружения города не могли не производить впечатления. Деревянные башни острога достигали 47,5 м, а стены 6,5 м. При Ю. Крижаниче в Тобольске началось каменное строительство — в 1674 г. была построена жилая палата митрополита Корнилия, а в 1690-х гг. был завершен окруженный стенами митрополичий Софийский двор с собором.⁷ Ремеслом в городе занималось более 200 человек. Наибольшее развитие в Тобольске получили ремесла по обработке местного сырья, обслуживающие потребности городского населения (кожевенный, сапожный, потяжный, металлообрабатывающий, мыловаренный, деревообделочный).⁸

В Тобольске сталкивалось два торговых потока — из европейской части страны и с востока, преимущественно из Средней Азии.

⁴ Древняя российская вивлиофика, изд. 2, ч. XX, М., 1791, с. 115.

⁵ Белокуров С. А., указ. соч., с. 185, 202, 210, 205, 246.

⁶ Вилков О. Н. Ремесло и торговля Западной Сибири в XVII веке, М., 1967, с. 77.

⁷ Копытов А. Н. Очерки культурной жизни Сибири XVII — начала XIX в. Новосибирск, 1974, с. 117, 127; Копылова С. В. Каменное строительство в Сибири. Конец XVII — XVIII в. Новосибирск, 1979, с. 18; Когедама В. И. Тобольск, (Как рос и строился город).

⁸ Вилков О. Н., указ. со., с. 77, 78.

Из года в год тобольский гостиный двор поступали разнообразные предметы западноевропейского и "русского" ремесла, привозимые из-за Урала, и изделия, прежде всего хлопчатобумажные ткани, восточного происхождения.⁹ Несмотря на незначительный удельный вес стоимости восточных товаров, их поступление в Тобольск было систематичным; бухарские кушчи, осущестлявшие эту торговлю, имели в Тобольске даже свою слободу, где проживали систематически. Обычно среднеазиатские торговые караваны через казахские степи приходили в Тобольск осенью. С середины XVII в. особенно сильную конкуренцию на этом направлении бухарским купцам стали оказывать сибирские торговые люди, скупавшие товары на ярмарке около Ямыли — озера в верховьях Иртыша. Связи, устанавливавшиеся через Ямышевскую ярмарку по туркестанской дороге, способствовали расширению русских знаний о торговых путях в Центральную Азию и Китай. В 1660—70-х гг. этими путями русские торговые караваны добирались до Пекина.¹⁰

Тобольск находился в центре земледельческого района, созданного к второй половине XVII в. русскими крестьянами — переселенцами. Уже в это время верхотурско-тобольский район стал житницей всей Сибири. К концу века общая площадь возделываемых там полей достигала 80 тыс. десятин. К началу XVIII в. в пределах этого района находилось до 75% всех сибирских русских крестьян-дворовладельцев, проживавших в 80 слободах и сотнях деревень.¹¹

По разветвленным речным системам хлеб поступал из этого района в более северные "бесклевые" сибирские города и для обеспечения пушных промыслов. В 1657 г. только воеводскими властями Тобольска должно было быть отправлено более 200 тыс. пудов муки и зерна. Сплав огромных масс товаров требовал множества речных судов, поднимающих до 1000 и более пудов каждое. Ежегодно в Верхотурье, Туринске, Тюмени строилось местными плотниками и крестьянами до сотни и более судов.

Поэтому вовсе не случайно, наблюдая оживленную экономическую жизнь Тобольска, Ю. Крижанич отмечал в своей "Политике" ее повседневный характер — "в Тобольске торги могут быть через каждые две или три недели".¹²

Не менее активно на глазах Ю. Крижанича проходила административная жизнь "стольного" сибирского города. На тобольское воеводство назначались опытные администраторы из представителей высшей московской знати. На протяжении 15 лет, проведенных в Тобольске Ю. Крижаничем, там сменилось пять воевод — боярин, князь И. А. Хилков (1659—1664), боярин, князь А. А. Голицын (1664—1667), стольник П. И. Годунов (1667—1670), боярин, князь И. Б. Репнин (1670—1673) и боярин П. М. Салтыков (1674—1676). Но одно сколько-нибудь значительное событие в Сибири не проходило мимо вedomа тобольских воевод, о чем они извещались воеводами иных

⁹ Там же, с. 84, 112.

¹⁰ Александров В. А. Россия на дальневосточных рубежах (вторая половина XVII в.). М., 1969, с. 80, 81, 86—90.

¹¹ Шунков В. И. Очерки по истории земледелия Сибири XVII век. М., 1956, с. 36, 44 (Карта), 45, 50, 51, 55—59.

¹² Крижанич Юрий. Политика. М., 1965, с. 391.

городов. Открытия "новых земель" землепроходцами, ясное обложение, события на границах и сношения с соседними государствами, обстоятельства текущей городской и уездной жизни докладывались в Тобольск.

Посольства различных монгольских "державцев" отпущались в Москву только тобольскими воеводами, которые сплошь и рядом сами разрешали дипломатические вопросы. В свою очередь, как правило, из Тобольска отправлялись за рубеж русские посольства в Джунгарию, к другим монгольским князьям и в Китай.

В активный административный и торгово-экономический ритм жизни города вписывались постоянные приезды торговых людей и представителей управлений других уездов.

Населению города придавало своеобразие пребывание в нем ссыльных "иноземцев", прежде всего военнопленных, захваченных в 1650—60-х гг. во время войн с Речью Посполитой и Швецией. Некоторые из них зачислялись в военную службу; число их в 1670-х гг. достигало 300 человек.

Одновременно с Ю. Крижаничем в сибирскую ссылку начали прибывать раскольники. В Тобольске Ю. Крижанич встречался с вождями раскола Аввакумом и Лазарем. Встречи с столь разнообразными людьми-католиками, протестантами, раскольниками — не только давали Ю. Крижаничу материал для сочинений, но и целые темы.

Еще в Москве Ю. Крижанич познакомился с крупным московским купцом А. А. Осколковым, осуществлявшим большие торговые операции в Сибири. Это знакомство переросло в дружески-деловые отношения. Ю. Крижанич делился с ним творческими планами и посылал свои сочинения. В письмах А. А. Осколкову в Москву он просил приобрести и прислать ему какие-то иностранные книги и, как можно догадываться, сообщал о торговой сибирской конъюнктуре.¹³

Другими московскими адресатами Ю. Крижанич были братья Кирилл и Герасим Дохтуровы, занимавшие видное положение в московском приказном управлении. С Г. Дохтуровым Ю. Крижанич был знаком с времен своего первого приезда в Москву в 1647 г.; в 1667 г. Герасим занимал очень высокий пост дьяка Посольского приказа. Кирилл Дохтуров в 1664 по 1667 г. нес службу письменного головы в воеводском управлении Тобольска.

В Тобольске Ю. Крижанич установил знакомство с очень колоритной в местной служилой среде семьей Ремезовых. Отец знаменитого сибирского историка и картографа Семена Ремезова Ульян служил в то время стрелецким сотником, был в близких отношениях с воеводой П. И. Годуновым и исполнял его разнообразные поручения.¹⁴ Есть предположение о составлении Ульяном Ремезовым в 1667 г. общей карты Сибири.¹⁵

Местные воеводы по долгу службы были знакомы с Ю. Крижаничем и, хотя не утруждали его поручениями, не обходили его своим

¹³ Белокуров С. А., указ. соч., с. 192—198, 232, 233.

¹⁴ Бахрушин С. В. Научные труды, III, ч. 1, М., 1955, с. 33.

¹⁵ Андреев А. И. Очерки по источниковедению Сибири, вып. 1, XVII век, М.—Л., 1960, с. 41—42.

вниманием. При общении с воеводами и представителями местного управления мимо Ю. Крижанича не могли проходить сведения о широко проводившейся картографической работе, к которой было привлечено немало людей. Известно, что при составлении карты Сибири П. И. Годуновым в 1667 г. необходимые данные поступали "от знающих людей".¹⁶ В 1669 г. по инициативе того же воеводы было составлено в Тобольске сочинение "Ведомость о Китайской земле и глубокой Индеи".¹⁷ Приблизительно в те же годы собирал материал для общего чертежа главным образом Восточной Сибири тобольский сын боярский С. Поляков.¹⁸ Общение с такими "знатцами", в частности, с участниками русских торговых миссий в Пекин, могло привести самого Ю. Крижанича, как увидим, к исследованию "китайского торгового".

В литературе, посвященной Ю. Крижаничу, можно неоднократно встретить утверждения о том, что свои данные о Сибири он черпал только из рассказов очевидцев.¹⁹ М. И. Тихомиров в своем предисловии к "Политике" Ю. Крижанича отмечал, что его замечания о Сибири написаны на основании личных наблюдений и рассказов осведомленных людей.²⁰

Когда скоро вопрос о источниках органически связан с вопросом о достоверности и существенности приводимых Ю. Крижаничем сведений о Сибири, то он заслуживает значительно большего внимания. Разумеется, одним из основных источников для Ю. Крижанича послужила сама сибирская действительность, та сумма впечатлений и знаний местной жизни, которая накапливалась наблюдательным ученым. В аналитическом уме наблюдателя отдельные явления становились материалом для обобщений, относящихся к истории не столько самой Сибири, сколько России в целом.

Ю. Крижанич хорошо знал всемирную и русскую историю вплоть до современного ему времени. Ему были известны множество произведений "отцов церкви", классических писателей древней Греции и Рима, средневековых писателей разных стран Западной Европы, а также исторические хроники. Он постоянно ссылался также на сочинения Максима Грека, С. Герберштейна, Петрея, Павла Иовия, А. Олеария и других западноевропейских писателей, которые побывали на Руси и оставили о ней свои записи. Вероятно, некоторыми произведениями этих авторов он располагал, будучи в Тобольске. Вскоре же после поселения в Тобольске Ю. Крижанич на протяжении почти полугода изучал какую-то русскую летопись (возможно свод 1652 г.), в которой исторические события излагались от времени скифов и до середины XVII в.²¹

¹⁶ Насонов А. Н. Неизвестные летописные памятники. — "Проблемы источниковедения", сб. IV, М., 1955, с. 280.

¹⁷ Долгов С. П. Ведомость о Китайской земле и глубокой Индеи. — "Памятники древней письменности и искусства", СХХХIII, М., 1899, с. 14—35.

¹⁸ Адресов А. И., указ. соч., с. 47.

¹⁹ Тьжинов И. И. Обзор иностранных известий о Сибири 2-й половины XVII в., Сибирский сборник, СПб., 1887, с. 123; Мирзоев В. Г. Историография Сибири. М., 1970, с. 40—41.

²⁰ Крижанич Ю., указ. соч., с. 7.

²¹ Белокуров С. А., указ. соч., с. 216—217, 234, 235; Крижанич Ю., указ. соч., с. 488—500.

Опираясь на свои знания и полученные в Тобольске впечатления о большом русском городе в центре Западной Сибири, о системе и практике воеводского управления, Ю. Крижанич рассматривал присоединение к России зауральских земель на широком историческом фоне. Так, "покорения" татарских царств" во второй половине XVI в. (Казани, Астрахани, Сибири) ему представлялись явлениями одного порядка, результатом создания единого русского государства в борьбе с татарским игом.²² Ю. Крижанич рассматривал Сибирь органической частью государства и в политическом, и в экономическом отношении. Очень четко эта мысль проявилась у Ю. Крижанича при рассмотрении им направления торговых путей России и их значения для ее международной торговли и внешней политики. В своей "Политике" он уделял этому вопросу огромное внимание; "...вся сила сибирской земли в ее реках, и (тот) кто хозяин рек, тот хозяин и этой земли"²³ — писал Ю. Крижанич, подчеркивая, что "Сибирь безмерно выгодна и необходима для этого царства. Ибо от всех тамошних народов мы можем добывать их товары без денег за наши простые отечественные товары, то есть за простые ткани и полотна, за соль и за жито".²⁴ Чувствуется, что Ю. Крижанич не только интересовался запросами рынков монгольских земель, но и обладал конкретными знаниями, почерпнутыми в Тобольске.

Ю. Крижанич был решительным сторонником недопущения иностранного, прежде всего западноевропейского купечества на внутри-русские торговые пути, считая, во-первых, что транзит иноземных товаров приносит огромную выгоду, а, во-вторых, что проникновение "иноземцев" внутрь страны ослабляет ее.²⁵ Именно этой политики и придерживалось русское правительство, допуская лишь таможенные льготы в сибирских городах для приезжавших бухарских и монгольских торговцев. Безусловный интерес в правящих верхах России могла вызвать настойчиво проводимая Ю. Крижаничем мысль о установлении в стране "для общей народной пользы" государственной торговой монополии.²⁶ Эта идея "народной пользы" предвосхищала идеологический лозунг "общего блага", "государственной пользы" укреплявшегося в России абсолютизма.

Основываясь на обстоятельных экономико-географических представлениях, Ю. Крижанич акцентировал внимание на транзите западноевропейских товаров в восточные страны и выгоды посреднической торговли. Его описание такого товарооборота фактически отражало складывавшиеся и уже сложившиеся внешнеторговые потоки, что, в частности мог наблюдать сам Ю. Крижанич в Тобольске.²⁷ Первостепенное значение в Сибири он отводил хорошо ему известному пути из Тобольска вверх по Иртышу к Ямышу-озеру, который по его расчетам мог, во-первых, способствовать установлению прямого контакта с рынками Индии, а во-вторых, активизировать товарооборот с западноевропейцами.²⁸ Хорошо известно, на-

²² Крижанич Ю., указ. соч., с. 499, 618.

²³ Там же, с. 483.

²⁴ Там же, с. 389.

²⁵ Там же, с. 387, 483.

²⁶ Там же, с. 384.

²⁷ Там же, с. 384, 483.

²⁸ Там же, с. 386, 388.

сколько активно голландское и английское купечество в XVI—VII вв. было занято поисками путей на Восток, в Индию и Китай. Об этом Ю. Крижанич безусловно знал из современной ему литературы. Получив в Тобольске материал о внутрисибирских торговых путях, он задавался вопросом о возможности связи между Западом и Востоком через Сибирь.²⁹ Когда он писал "Политику", то более широкими географическими данными Ю. Крижанич еще не располагал и ограничился одной лишь догадкой. Он связал данные о пути с верхнего Иртыша до его низовий с дошедшими до него известиями о городе Мангазее, находившейся недалеко от Обской губы,³⁰ и допускал возможность установления связи между Западной Европой, Средней и Центральной Азией, а быть может и Индией по северным морям и далее через Сибирь по Иртышу, т. е. того, что стремились разведать англичане и о чем они так домогались у русского правительства вплоть до 1616—17 гг. Более того, тогда же Ю. Крижанич задавался вопросом и о прямом морском пути из приполярной Мангазеи в Китай и Индию.³¹ В 1660-х гг. Ю. Крижанич еще не располагал сведениями о северноморском пути в Тихий океан, которые русским землепроходцам были уже известны. Впрочем, сам Ю. Крижанич не сомневался в возможности таких плаваний и отказать ему в предвидень географических открытий никак нельзя.³² На более точной фактологической основе он, как увидим, возвратился к этой проблеме к 1680 г.

Значительно меньшими материалами располагал Ю. Крижанич о сибирских рудных богатствах. Это вполне понятно, так как во второй половине XVII в. в Сибири поиски полезных ископаемых только еще развешивались. Тем не менее Ю. Крижанич прозорливо утверждал, что сибирские железные руды могут быть очень нужны государству.³³

Уделив столь значительное внимание Сибири в "Политике", Ю. Крижанич затем создал два произведения, посвященных Сибири полностью. Одно из них, о китайской торговле, или, как его называл сам автор, "О китайском торге", не сохранилось, поэтому о его источниках судить нельзя. Можно лишь догадываться, что Ю. Крижанич использовал рассказы верхневосточных в 1660-х гг. из Приамурья русских служилых людей и торговцев, заинтересовавшихся возможностями китайской торговли, и их картографические материалы. Упоминание об этом сочинении содержится в письме Ю. Крижанича А. А. Осколкову и в его челобитной, поданной после возвращения в Москву царю.³⁴ Не остается сомнений в том, что Ю. Крижанич продолжал работу над торгово-экономическими сюжетами и чутко откликнулся на возрастающий интерес русского купечества и государственной власти и возможностям русско-китайской торговли, предпосылки которой в 1660—70-х гг., несмотря на сложности государственных взаимоотношений между Россией и Китаем, станови-

²⁹ Там же, с. 483.

³⁰ Там же, с. 388.

³¹ Там же, с. 417, 483.

³² Там же, с. 395.

³³ Там же, с. 389, 418, 419.

³⁴ Белокуров С. А., указ. соч., с. 261.

лись все более реальными.³⁵ Отправляя свое сочинение А. А. Осколкову, Ю. Крижанич преследовал и личные цели, надеясь получить возможность вернуться из ссылки. Оно было написано в начале 1670-х гг. В письме А. А. Осколкову от 18 июня 1675 г. Ю. Крижанич писал: "мню, яко и писемце наше об китайском торгу еси показал оним, им же пристойит об нем ведати...".³⁶ Действительно, "писемце", по-видимому, имело успех в Москве, хотя и не повлияло на судьбу самого автора. Так или иначе, но Н. Спафарий, отправленный во главе русского посольства в Пекин в начале 1675 г., в Тобольске сразу же обратился к Ю. Крижаничу. На протяжении пяти недель, по словам Ю. Крижанича, он "ни единого обеда, ни вечера без мене не ел", получил от автора заново переписанный экземпляр его труда, а также "все, еже есть годно к его делу".³⁷

Другое сочинение Ю. Крижанича, посвященное Сибири — "История Сибири", имело своеобразную судьбу. В XIX в. оно было издано дважды — в 1822 г. Г. Спасским в "Сибирском Вестнике", а в 1890 г. А. Титовым в сборнике "Сибирь в XVII веке". Оба издателя не указали имени автора, хотя в 1880-х авторство Ю. Крижанича признали П. А. Бессонов и И. И. Тьжнов.³⁸ Это сочинение Ю. Крижанич написал, уже будучи за границей, по просьбе датского дипломата Гильдебранта фон Горна, способствовавшего в свою бытность в Москве Ю. Крижаничу покинуть в 1677 г. Россию. По поводу точной даты написания этого сочинения мнения ученых расходятся. Безусловно одно, что экземпляр для Г. Горна был создан автором в Вильно, где он находился в 1680 г.; многие детали событий воспроизводились автором по памяти.³⁹

В своем повествовании Ю. Крижанич останавливался на основных моментах истории Сибири в составе России, проявляя при этом большую осведомленность, нежели он проявил в "Подлятике". "История Сибири" делится на несколько логических разделов. Ю. Крижанич последовательно описывает положение Сибири за Уральским хребтом и наиболее значительных ее городов — Верхотурья и Тобольска, историю ее присоединения к России, три климатические зоны, простиравшиеся с запада на восток и народы, их населявшие, монгольские степи и их население, первые опыты поисков рудных богатств, и, наконец, отношения России о Китае и пути на восток, что, по-видимому, наиболее интересовало Г. Горна. Можно заметить, что эти разделы писались на основании разных источников. Еще И. И. Тьжнов, обратив внимание на своеобразную интерпретацию Ю. Крижаничем личности Ермака, его похода в Сибири и событий, связанных с ее присоединением к России, впервые поставил вопрос о важности выявления источников, использованных при написании "Истории Сибири". Известия о Строгановых и завоевании Сибири, приведенные Ю. Крижаничем, "предварили в некоторых случаях

³⁵ Александров В. А., указ. соч., с. 86—100.

³⁶ Белокуров С. А., указ. соч., с. 232.

³⁷ Там же, с. 226—228, 232.

³⁸ Белокуров С. А., указ. соч., с. 94, 95.

³⁹ Алексеев М. П. Сибирь в известиях западноевропейских путешественников и писателей, т. I, ч. II, Иркутск, 1936, с. 75—77; Белокуров С. А., указ. соч., с. 268—278 281—284; Титов А. Сибирь в XVII веке, М., 1890, с. 162.

известия русских летописцев и, по нашему мнению, должны быть приняты за основу для будущего описания этого момента сибирской истории — писал И. И. Тьжнов.⁴⁰ Относительно недавно такой историко-этнографический опыт предпринял В. Г. Мирзоев, полагая, что рассказ Ю. Крижанича о присоединении Сибири был составлен на основе устных преданий, аккумулировавшихся в Тобольске. С другой стороны, В. Г. Мирзоев несколько противореча сказанному, отмечал: "Содержание рассказа о присоединении Сибири совпадает с Кунгурской летописью. Это сходство можно объяснить только одним — единством источника".⁴¹

Признание "единства источника" приводит к убеждению о том, что Ю. Крижанич располагал записью о событиях 1580-х гг., к тому же не связанной с основными сибирскими летописями — Есиповской и Строгановской. Исследователи давно обратили внимание на существование, к сожалению, не дошедшей до нас, летописи, отрывки из которой были включены в первоначальный текст Ремезовской летописи. С. В. Бахрушин считал, что использованная С. У. Ремезовым "Летопись Сибирская краткая Кунгурская" имела совершенно самостоятельное происхождение; она возникла в казацкой среде, содержит очень много конкретных фактов, которых нет в других сибирских летописях, и основана в значительной степени на известном предании или на источниках, не поддающихся точному определению.⁴² Образцом казацкого летописания рассматривал Кунгурскую летопись другой видный исследователь русских летописей Д. С. Лихачев. По его мнению, летопись находится в несомненной близости к фольклору, прежде всего к историческим песням.⁴³

Текстологический анализ "Описания Сибири" Ю. Крижанича позволяет думать, что автор опирался в описании событий, непосредственно связанных с присоединением Сибири, именно на Кунгурскую летопись. То, что она уже существовала во время пребывания Ю. Крижанича в Тобольске, сомнения быть не может. С. В. Бахрушин датировал ее составление второй половиной XVII в., Д. С. Лихачев считал, что она получила свое название не ранее того же времени.⁴⁴ Ю. Крижанич следовал характерной Кунгурской летописи фабуле о том, что Ермак и его казацкая дружина, состоявшая из людей, спасавшихся от "людодерства" Ивана Грозного, разбойничали на Волге, откуда, опасаясь царского войска, двинулись в "восточный край"; там богатый солепромышленник Строганов, боясь казаков, снабдил их всем необходимым — припасами, оружием, скотом и повозками, после чего они направились в Сибирь, где одержали победу над "татарским царьком" Кучумом. Затем "осиленный чрезмерной и постоянно возрастающей многочисленностью татар", Ермак погиб в сражении, а оставшиеся в живых казаки отрядили в Москву своего посла, просили простить им "совершенные злодеяния", прислать необходимую помощь, и обещали приобрести новое "цар-

⁴⁰ Тьжнов И. И., указ. соч., с. 124.

⁴¹ Мирзоев В. Г., указ. соч., с. 42.

⁴² Бахрушин С. В. Научные труды, III, ч. 1, М., 1955, с. 41—43.

⁴³ Лихачев Д. С. Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.—Л., 1947, с. 411, 412, 414.

⁴⁴ Там же, с. 411; Бахрушин С. В., указ. соч., с. 40.

ство".⁴⁵ Та же версия о казачьей инициативе в организации похода и вынужденном участии Строгановых в снабжении дружины Ермака была позднее повторена в Ремезовской летописи,⁴⁶ в которую была искусственно вставлена часть Кунгурской летописи, рассказывавшая именно об этих событиях.⁴⁷ Дальнейшая интерпретация событий — гибель Ермака и просьба казаков царю о помощи в покорении Сибири — следует думать, принадлежала самому Ю. Крижаничу, который исходя из своей общей концепции о борьбе московских великих князей с татарами, не мог отдать приоритета в разгроме ханства казакам.

Совершенно самостоятельна в "Истории Сибири" Ю. Крижанича трактовка эпизода о приглашении русскими на пир для заключения мира татарского представителя. Во всех летописях — Строгановской, Есиповской и Ремезовской — в разных вариантах, но в целом довольно согласно рассказывается о злоумышлении на русских князя Сейдяка, приглашении его уже после постройки Тобольска воеводой Д. Чулковым на пир и о божьем обличении татарина, когда тот поперхнулся над поднесенной ему задравной чашей.⁴⁸ У Ю. Крижанича весь этот эпизод объясняется инициативой казачьего атамана, который пригласил сына Кучума будто бы для заключения мира и убил его под тем предлогом, что он с недостаточным для верноподданного усердием пил "за здоровье московского царя".⁴⁹

Наконец, по Кунгурской летописи Ю. Крижанич описывает и камлание шамана.⁵⁰

Описание Сибири, населявших ее народов и их основных отраслей хозяйства (рыболовство, охота, оленеводство и т. п.) могло основываться на опыте многолетнего общения Ю. Крижанича с сибирскими и собственными наблюдениями в Тобольске. Особенно обращает на себя внимание конкретное описание Ю. Крижаничем трех естественно-природных зон в Сибири — северной, омываемой "Ледовитым морем", откуда поступает основная часть пушнины, "средней", где земледелие "в высшей степени облегчено: земля вовсе не нуждается в удобрении навозом", и "обширнейших степей", население которых занимается скотоводством.⁵¹ Характеристики этих зон у Ю. Крижанича удивительно конкретны. Он хорошо знал, откуда поступали наиболее ценные меха — соболы и чернобурые лисицы, расселение и быт местных народов, способы сообщения и т. п. В частности, он совершенно точно описывает казенное снабжение из Тобольска по Иртышу и Оби припасами г. Мангазеи, трудность этого мероприятия и ликвидацию города, потерявшего свое торгово-пере-

⁴⁵ Титов А., указ. соч., с. 164—167.

⁴⁶ Сибирские летописи, СПб., 1907, с. 313—315.

⁴⁷ Бахрушин С. В., указ. соч., с. 34; Гольденберг Л. А. Семен Ульянович Ремезов, М., 1965, с. 119.

⁴⁸ Сибирские летописи, с. 89, 157, 350; Г.-Ф. Миллер приводит эпизод в иной версии — Д. Чулков преднамеренно заманил Сейдяка на пир, чтобы его илечь (Миллер Г.-Ф., История Сибири, I, М.—Л., 1937, с. 275, 276).

⁴⁹ Титов А., указ. соч., с. 167, 168.

⁵⁰ Бахрушин С. В., указ. соч., с. 41; Лихачев Д. С., указ. соч., с. 415; Сибирские летописи, с. 326; Титов А., указ. соч., с. 170—171.

⁵¹ Титов А., указ. соч., с. 168—174.

валочное значение к 1660-м гг.⁵² В отличие от неудобства связи с Мангазеей Ю. Крижанич отмечал выгодность перевалочного пути с Оби на Енисей через Маковский волок.⁵³ Этот путь был в то время основным из Западной в Восточную Сибирь. Все это происходило в бытность Ю. Крижанича в Тобольске и было хорошо известно многим местным жителям.

Другие сведения Ю. Крижанич получил от уездных должностных лиц. В "Истории Сибири" он ссылается на знакомство с тем, "кто первый воздвиг крепость на берегах Лены и обложил эту область податью именем своего царя".⁵⁴ В данном случае речь шла о Якутском остроге. Ленский острог (позднее — Якутский) несколько раз переносился с одного места на другое. Воздвигнутый в 1632 г. на Лене стрелецким сотником П. Бекетовым, он был в 1634 г. построен на новом месте казачьим атаманом И. Галкиным, а затем в 1642—43 гг. первым якутским воеводой П. Головиным вновь перенесен. П. Головин умер в 1654 г.,⁵⁵ т. е. до приезда Ю. Крижанича в Москву; И. Галкин погиб в Якутии еще раньше. Известно, что П. Бекетов в 1658 г. возвращался из В. Сибири в Тобольск, где с ним, возможно, встречался Ю. Крижанич. Он также писал, что "лично виделся и беседовал" с основателем крепости на р. Селенге,⁵⁶ т. е. Селенгинского острога, построенного в 1666 г. Таким информатором мог быть сын боярский И. Поршенников, ведавший острогом до 1670-х гг., человек весьма к тому же осведомленный о событиях в Забайкалье и Приамурье.

Наконец, интереснейшие данные по географии и этнографии Сибири мог получить Ю. Крижанич от уже упоминавшегося У. Ремезова. Еще в 1640 г. с посольством в Джунгарию ездил Мосей Ремезов, отец Ульяна. В начале 1660-х гг. посольство к тайше Аблау возглавлял сам Ульян Ремезов.⁵⁷ Поэтому вовсе не случайно в "Истории Сибири" Ю. Крижанич много страниц посвятил калмыкам, как он собирательно называл население монгольских степей, их верованиям, хозяйственным занятиям и торговле, вооружении и отношениях с Россией. Ю. Крижаничу было известно, что в это время соблюдались мирные отношения между Россией и монгольскими владетелями. Однако он отмечал, что "разбойники" около городов Тары и Красноярска во время жатвы совершают набеги на земледельцев.⁵⁸ Действительно, в конце 1660-х — начале 1670-х гг. наблюдалось обострение русско-джунгарских отношений и вторжения отрядов хана Сэнге в Западную Сибирь и окрестности Красноярска. Сам Ю. Крижанич не мог не видеть в Тобольске приемов представителей различ-

⁵² Об этом см.: Александров В. А. Русское население Сибири XVII — начала XVIII в. (Енисейский край), М., 1964, с. 30—32.

⁵³ Титов А., указ. соч., с. 174.

⁵⁴ Там же, с. 168.

⁵⁵ Древняя Российская вивлиофика, ч. XX, М., 1791, с. 109.

⁵⁶ Титов А., указ. соч., с. 214.

⁵⁷ Бахрушин С. В., указ. соч., с. 33, 36, 37; Гольденберг Л. А., указ. соч., с. 10, 13—15; Чингисорджиев Ш. Б. Взаимоотношения Монголии и России в XVII—XVIII вв. М., 1978, с. 42—43; Лихачев Д. С., указ. соч., с. 408—409; Дергачева-Скоп Е. Из истории литературы Урала и Сибири XVII века. Свердловск, 1965, с. 43—44.

⁵⁸ Титов А., указ. соч., с. 184.

ных монгольских владателей, но его знакомые из воеводского управления, если и осведомляли его о проводившихся переговорах, то в соответствующем освещении. Поэтому у Ю. Крижанича создалось ложное представление о подчиненности монгольских ханов и тайшей русской власти.⁵⁹

Существенно развил Ю. Крижанич в "Истории Сибири" разделы, посвященные торговым путям на восток. Как и в "Политике" большое внимание он уделил пути вверх по Иртышу к Ямыш-озеру и роли бухарских торговцев, привозивших в Тобольск хлопчатобумажные ткани и китайский чай.

Вполне уже определенными сведениями в 1670-х гг. Ю. Крижанич обладал о возможности плавания вдоль побережья Ледовитого океана и, что не менее примечательно, о путях на восток по Амуру. Ю. Крижанич писал, что сомнение о соединении "Ледовитого моря с Восточным океаном", омывавшим Сибирь и Китай, "в самое последнее время было разрешено воинами Ленской и Нерчинской области..."⁶⁰ Более того, Ю. Крижаничу стало известно и о возможности плавания от Белого моря вдоль берегов Сибири на восток вплоть до Китая, хотя оно было крайне затруднено льдами, которые и летом "могут уничтожить какое угодно судно".⁶¹ Поэтому, в Индию из Сибири наиболее целесообразно плыть по Амуру мимо устья Сунгари в "Восточный океан".⁶² Таким образом, по свидетельству Ю. Крижанича, в результате деятельности русских землепроходцев в Тобольске в 1670-х гг. был известен целый комплекс географических сведений о северноморском пути и впадении Амура в "Восточный океан".

Так же реально выглядят сообщаемые Ю. Крижаничем сведения о наличии в Китае не двух, а одного огромного царства с столицей в Пекине.⁶³ Русскому правительству это стало известно только после посольства в Китай И. Байкова в 1645—56 гг.⁶⁴ В связи с тем, что для Ю. Крижанича этот факт стал известен "не слишком давно",⁶⁵ можно думать, что он узнал о нем не из официальных, а из частных источников, от русских торговцев или служилых людей.

Судя по неточностям повествования Ю. Крижанича о присоединении Приамурья к России и начале маньжурской агрессии в 1650-х гг., следует полагать, что источником для него послужили чьи-либо рассказы-воспоминания, поздние пересказы или слухи, в которых интерпретация событий была далека от истины. Ю. Крижанич располагал самыми элементарными сведениями о русско-китайских отношениях и не знал о их сложности. В этой части "Истории Сибири" Ю. Крижанича отражается лишь общая канва событий на Амуре, причем наступательной стороной вовсе неверно изображаются русские, которые будто бы заставляли платить дань подданных китай-

⁵⁹ Там же, с. 183.

⁶⁰ Там же, с. 214—215.

⁶¹ Там же, с. 215.

⁶² Там же, с. 216.

⁶³ Там же, с. 214.

⁶⁴ Мясников В. С. Империя Цин и Русское государство в XVII веке, М., 1980, с. 100.

⁶⁵ Титов А., указ. соч., с. 214.

ского царя. На самом деле Приамурье, присоединенное к России в результате походов Е. Хабарова, не входило в состав Цинской империи и русские в тот момент даже не располагали данными о том, кому принадлежали земли за Амуром. О принадлежности Цинской империи части Маньчжурии, находившейся далеко за Амуром, русским властям стало известно только после посольства И. Байкова в Пекин. Далее Ю. Крижанич также неверно передает версию о самовольном заселении берегов Амура русскими, восставшими "лет за двадцать и более перед сим" будто бы в Внисейске и о стремлении "китайского царя" к миру. На самом деле восстание произошло в Илимске в 1665 г., после чего значительная часть населения из Прибайкалья ушла в русские владения на Амуре, где в районе Албазина образовался значительный земледельческий район.⁶⁶ Разумеется, представители тобольской администрации не распространялись перед Ю. Крижаничем о народных восстаниях и дипломатических сношениях с Китаем, императорское правительство которого с 1650-х гг. всячески стремилось добиться ухода русских с Амура и предъявляло свои претензии на Приамурье. Более точно Ю. Крижанич пишет о том, что "около десяти лет перед сим" "царь Китайский" прислал в Нерчинск своего посла с предложением прислать русских представителей в Пекин, которые там были любезно приняты и привезли предложение русскому правительству о посылке посла "с полномочием установить границы двух царств и заключить договор ради спокойного соседства".⁶⁷ В этой части рассказа Ю. Крижанича отразились сведения о дипломатической активности пекинского двора в конце 1669 — начале 1671 г. и посылке нерчинским воеводой Д. Аршинским в Пекин казачьего десятника И. Милованова.⁶⁸ Вполне очевидно, что более чем месячное общение с Н. Спафарием почти не дало Ю. Крижаничу конкретных данных. Н. Спафарий хранил дипломатические тайны. Он мог рассказать Ю. Крижаничу, но в самой общей форме историю поездки в Пекин И. Милованова и о своей задаче — "войти в соглашение относительно границ с Китаем и будущей с ним торговлей",⁶⁹ но не более того.

Совершенно к истории Сибири никак не относятся многие страницы, посвященные Ю. Крижаничем богословским спорам между католиком, под которым он, по всей видимости, подразумевал себя, и кальвинистом. Однако описанные прения, во-первых, отражают черты повседневной жизни западноевропейских "иноземцев", заброшенных в далекий Тобольск и продолжавших там дискутировать на темы, раздиравшие в XVII в. Западную Европу, а во-вторых, свидетельствуют об общительности и веротерпимости самого Ю. Крижанича. Эта черта характера, сочетавшаяся с любознательностью, существенно дополняет облик Ю. Крижанича, сумевшего как никто из "иноземцев" в XVII в. многое узнать и увидеть в Сибири и отразить в своих записках сведения о огромной части Российского государства, не только очень важные для своих современников, но и поныне сохраняющие источниковедческое значение.

⁶⁶ Александров В. А. Россия на дальневосточных рубежах, с. 23—26.

⁶⁷ Титов А., указ. соч., с. 211—212.

⁶⁸ Мясников В. С., указ. соч., с. 115—126.

⁶⁹ Титов А., указ. соч., с. 212.

V. A. ALEKSANDROV

JURAJ KRIŽANIĆ O SIBIRU

Sažetak

Više od sto godina Juraj Križanić privlači pažnju ruskih znanstvenika. U ovom se radu autor bavi Križanićevim poznavanjem Sibira. Tobolsk i Sibir udarili su pečat Križanićevu znanju i svjetonazoru. Tobolsk je u to doba bio ne samo administrativno i crkveno središte Sibira nego i razvijeno ekonomsko i osobito trgovačko središte. U njemu su se sjekli putovi iz Evrope i s Istoka. Križanić je za 15 godina progonstva u Sibiru imao prilike mnogo vidjeti i saznati o Sibiru, poznavao je dosta uglednih obitelji i sretao veoma interesantne ljude.

O Sibiru je pisao u *Politici*, a dva je djela u potpunosti posvetio Sibiru: *O kineskoj trgovini (O kitajskom torgu)* i *Povijest Sibira (Historia de Sibiria)*. Križanić je dao dosta vjernih opisa i podataka o Sibiru (geografskih, etnografskih, povijesnih, gospodarskih itd.). Opisao je položaj Sibira, njegove gradove, povijest pripajanja Rusiji, a posebno ga je zanimala trgovačka veza Zapada i Istoka preko Sibira, trgovina Rusije i Kine, trgovački putovi, mogućnost plovidbe od Bijeloga mora uzduž obala Sibira na istok do Kitaja.

Autor u radu razmatra pitanje izvora Križanićevih podataka o Sibiru. Prije svega to je sama sibirski stvarnost, dojmovi i poznavanje mjesnog života, dugogodišnje življenje sa Sibircima, susreti s trgovcima i prolaznicima, usmena predaja, ljetopisi, izvrsno poznavanje ruske povijesti i djela zapadnoevropskih pisaca koji su bili u Rusiji i ostavili o njoj zapise. Križanićevo odlično poznavanje toga velikog dijela Ruskog Carstva nema važnost samo za njegove suvremenike nego je i danas značajan povijesni izvor.